

Альберто Васкес-Фигероа

ИРИНА
ДОГОНОВИЧ

Альберто Васкес-Фигероа

Ирина Догонovich

«Автор»

2025

Васкес-Фигероа А.

Ирина Догонович / А. Васкес-Фигероа — «Автор», 2025

Остросюжетный приключенческий роман от мастера политического триллера Альберто Васкеса-Фигероа. Главная героиня — необыкновенно умная и красивая девушка сербского происхождения, обладающая феноменальной памятью и аналитическим умом. После окончания Второй мировой войны Ирина оказывается в эпицентре опасных международных интриг. Под тайным покровительством кардинала из Ватикана, который стал для неё неофициальным отчимом, она начинает раскрывать тщательно скрытые нацистские тайны. Её знания и способности делают её ценной мишенью для тех, кто хочет навсегда похоронить правду. Но Ирина не боится идти до конца. В её руках — ключи к разоблачению преступлений и научных открытий, от которых содрогнётся весь мир.

© Васкес-Фигероа А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Альберто Васкес-Фигероа

Ирина Догонич

Глава 1

В ту ночь, когда она появилась на свет, неподалёку грохотали пушки. Двоюродная сестра её матери, исполнявшая обязанности повитухи, вдруг решила назвать её Ириной – что-то вроде «мира». Присутствующие сочли это весьма уместным: все ждали, когда прекратятся бомбёжки и гибель людей.

По понятным причинам ей ничего не оставалось, как унаследовать фамилию Догонич – так поступали поколения её предков, несмотря на то что основатель рода был повешен как предатель в одной из бесконечных братских войн, терзавших кровавый Балканский полуостров.

Ко всему прочему, ей вздумалось появиться на свет в мае сорок первого года – как раз в тот момент, когда Югославия снова переживала один из бесчисленных перерывов в своей истории как признанного государства. А значит, Ирину Догонич можно было считать почти что лицом без гражданства.

Немцы, итальянцы, венгры, болгары и румыны в те злополучные дни делили между собой то, что ещё не успели разрушить. Поэтому её крепкий, храбрый и упрямый отец решил уйти в горы, чтобы присоединиться к сопротивлению и сражаться с захватчиками – ведь в семье Догоничей борьба с захватчиками давно стала чем-то вроде мании. Не было, кажется, ни одного поколения, которое бы не вступало в схватку с «очередным захватчиком» – с камнями, палками, луками, мечами, ружьями, танками или пушками – по ходу бурной и запутанной истории.

Понимая, что такие нашествия столь же предсказуемы, как времена года, и происходят с той же унылой регулярностью, что и менструации, её прекрасная мать – Алексия Серифович Ризи, в жилах которой текла итальянская кровь, – решила уложить худенькую, голодную крошку в корзину и отправиться в долгий и опасный путь в Рим – город, где в то время соседствовали одна Святость и миллионы демонов. Скитаясь на коленях по длинным коридорам и клуатрам, она в итоге оказалась у ног дона Валерио Кавальканти – влиятельного архиепископа генуэзского происхождения. Хотя она преклонялась перед ним много раз, голову склоняла не слишком низко – скорее наоборот, ей приходилось держать её прямо, ведь дон Валерио был очень высоким.

Как известно, итальянцы – будь то дети, мужчины, женщины или старики – считают своих матерей безупречными наследницами добродетелей «Пресвятой Девы Марии». Однако, несмотря на то что почти вся её жизнь прошла в Италии, Ирина никогда не считала себя настоящей итальянкой, ведь знала: её мать, женщина красивая и весьма здравомыслящая, пришла к выводу, что в страшной и беспощадной бойне, в которой никто не знал, кто победит, а кто проигрывает, наилучшей защитой будет та часть святой Католической церкви, которая *non est santa*.

По коридорам Ватикана день и ночь бегали толпы сутан, но почти не было юбок. Позднее Ирина вспоминала, что в гардеробе её матери часто висело несколько сутан и даже монашеских ряс – правда, так и не удалось выяснить, к каким орденам они относились.

Когда война закончилась, архиепископ, навещавший их пару раз в неделю, устроил Ирину в монастырскую школу всего в трёх кварталах от их дома. Изначально девочку расстроило то, что по понедельникам и средам мать-настоятельница заставляла её учиться до восьми вечера, хотя Ирина обладала почти невероятной памятью: она могла дословно повторить любую книгу, прочитав её дважды, и получала лучшие оценки почти по всем предметам.

– Вот именно поэтому ты их и получаешь, дитя, – с лукавой усмешкой говорила монашка, похожая на хорька. – Потому что, как попугай, можешь повторить всё прочитанное. И потому что я оставляю тебя тут ещё на два дня в неделю.

Вскоре она смирилась с тем, что благодаря этим дополнительным часам у неё не только были лучшие оценки, но и лучшая еда, прохладный дом летом, тёплый зимой, а ещё красивые платья и туфли.

Кроме этих «сверхурочных», её обязанности сводились лишь к тому, чтобы вежливо приветствовать дону Валерио и не задавать лишних вопросов.

Но природа, как известно, всегда идёт своим путём: дети растут, архиепископы становятся кардиналами, а женщины, спящие с мужчиной два раза в неделю, неизбежно беременеют – независимо от того, носит ли мужчина пурпурную сутану или военную форму цвета хаки.

Мать и будущий брат (всего у неё их стало трое) вскоре переселились в прекрасный особняк на Виа Аппия, а Ирину отправили учиться в языковую школу в Цюрих. Благодаря прекрасной памяти и хорошему слуху она овладевала языками без особого труда.

Её братья сохранили фамилию, доставшуюся им от предполагаемого отца – некоего Джино ди Конти, который, как она позже узнала, был напыщенным и известным флорентийским сплетником, больше склонным «забеременеть» от грубого магрибинского сержанта, чем сам сделать беременной прекрасную югославку. Девочка так его и не увидела – даже во время каникул, которые проходили в роскошном доме у озера Альбано, прямо напротив летней резиденции Пап. Ирина всегда подозревала, что её мать, возможно, и вовсе никогда не встречалась с этим человеком лично.

Зато по окрестностям Кастельгандольфо нередко прогуливались элегантные кардиналы, которые с искренним уважением приветствовали их и замечали, что четверо очаровательных детей очень похожи на свою прекрасную и элегантную мать. Это было явным проявлением лицемерия, старческого слабоумия или близорукости, ведь сравнивать нескладную Ирину Догонич с статной Алексией Серифович – всё равно что сравнивать артритную жирафу с грациозной газелью.

Её братьев не решались облачать в облачения служек, чтобы их случайно не приняли за миниатюрные копии щедрого монсеньора Кавальканти, которому Ирина всегда будет благодарна. Он, среди прочего, подарил ей комфортное детство, отличное образование и пример морали, который стал её зеркалом и путеводителем в бурной жизни.

Дон Валерио, которого позже даже называли папабиле, то есть возможным Папой, доказал своим примером, что можно взобраться на вершину церковной пирамиды, преодолев любые препятствия. А ведь трое внебрачных детей от одной женщины – это серьёзное препятствие для человека, давшего обет целомудрия.

Иногда Ирина Догонич задавалась вопросом: как бы сложилась её судьба, если бы её «почти-отчим» стал Папой Римским? Но жалеть было не о чем – взамен неудобной *sedia gestatoria* монсеньору Кавальканти позволили занять мягкое кресло в роскошном кабинете, откуда он управлял большей частью финансов Ватикана.

Будучи честной с собой, девушка без труда признавала: ей бы хотелось, чтобы он был её отцом – хотя бы потому, что её сводные братья обладали неоспоримой благородной осанкой и природной элегантностью, тогда как в её венах текла кровь, больше подходящая искривлённой оливе, чем стройной пальме.

Но природа продолжала свой неумолимый путь: Ирина всё продолжала расти, а её мать, родившая уже четырёх детей, начала терять прежнюю потрясающую фигуру. И дон Валерио решил частично заменить Алексию молодой неаполитанской танцовщицей с большими чёрными глазами и угольно-чёрными волосами, которую вскоре, как он полагал, забеременел. Однако через девять месяцев на свет появилась голубоглазая блондинка – в тот день кардинал почти потерял веру в генетику и верность неаполитанок.

Он попытался найти утешение в своих настоящих детях, и это утешение обошлось ему в покупку старинной, знаменитой trattoria на площади Навона. Благодаря ей братья ди Конти и их потомки жили без материальных проблем, готовя лучшие феттуччини с шафраном во всей Италии.

Когда Ирине Догонич исполнилось восемнадцать, она столкнулась с очевидностью: пора решать свою судьбу самостоятельно. Щедрая стипендия от Христианской ассоциации помощи сиротам войны, оплачивавшая её обучение, закончилась. Теперь, с этого злополучного дня, она была вынуждена рассчитывать только на себя.

Она отлично осознавала, что у неё нос, как картошка, кожа в прыщах и фигура скорее подростка в период бурного роста, чем взрослой женщины. Но в компенсацию за это она развила до почти невероятного уровня свои выдающиеся способности, что позволило ей получить блестящее образование, выучить в совершенстве семь языков и достичь высокого уровня ещё в четырёх.

Ещё в юности она заметила, что рядом со спальней её матери был маленький кабинет, где стоял огромный кантерон из настоящего чёрного дерева с инкрустацией из перламутра. В ящиках этого письменного стола монсеньор Кавалканти хранил личные документы, которые девушка иногда читала снова и снова, пока не запоминала их наизусть. Там же хранились пять чековых книжек с банковскими счетами за границей – и хотя Ирина никогда не трогала их, со временем она незаметно присвоила себе несколько листов фирменной бумаги с рельефным кардинальским гербом.

Она научилась подражать почерку и подписи дон Валерио, что означало, что несмотря на отсутствие собственных средств, у неё был бесценный капитал на будущее: великолепная база знаний по вопросам национальной политики и экономики, а также шесть возможных рекомендательных писем от одного из самых влиятельных людей в римской курии.

Она знала, что в самых высоких кругах итальянской политики и экономики не было секретом то, что она – дочь Алексии Серифович, матери детей монсеньора Кавалканти, и поэтому никого бы не удивило, если бы она в любой момент появилась с одной из его знаменитых, ласковых кардинальских записок. Так же она понимала, что наступившие шестидесятые годы были переломным моментом, который определит её будущее: времени на получение университетского образования не было, ведь пока она бы училась, монсеньор мог утратить своё привилегированное положение или даже умереть – а странно ведь приходить с рекомендацией от покойного.

Это был подходящий момент для первого шага, даже если для этого придётся слегка переступить границы закона, подделав подпись. И первой персоной, которой она направила кардинальскую записку, стал человек, которым она искренне восхищалась, уважала и мечтала познакомиться лично.

После войны правительство Италии поручило инженеру Энрико Маттеи непростую задачу – ликвидировать AGIP, нефтяную компанию, ассоциировавшуюся с ненавистным фашистским режимом. Но вопреки чётким политическим распоряжениям, Маттеи решил не уничтожать её, а, напротив, укрепить и создать Национальное агентство по углеводородам (ENI), расширяя геологоразведку и заключая выгодные соглашения с Россией и странами Ближнего Востока. Это нанесло ущерб интересам семи могущественных международных нефтяных корпораций, контролировавших мировой рынок нефти. Он даже осмелился заявить, что странам-производителям следует получать 75% прибыли от своей нефти, а не 50%, как было в лучшем случае, так что неудивительно, что никто не дал бы ни лиры за жизнь человека, столь дерзко угрожавшего интересам тех, кого он с презрением называл «Семь шлюх-сестёр».

Сын унтер-офицера карабинеров, Маттеи, несмотря на прозвище «Инженер», никогда не получал высшего образования. Но благодаря своей исключительной проницательности в экономических и технических вопросах страны, он заслужил его: университет Камерино, в

который он когда-то не смог поступить из-за отсутствия средств, и Болонский университет присвоили ему почётные степени доктора экономических наук и инженера.

В холодное утро, когда он принял Ирину в своём римском кабинете, он уже знал всё о её семье, поэтому отложил в сторону рекомендательное письмо и взглянул на кандидатку, как ястреб на беззащитную добычу.

– Прочтите этот текст на пяти из одиннадцати языков, которыми, как вы утверждаете, владеете, – приказал он без предисловий, протягивая ей лист бумаги со стола.

Девушка выполнила задание так уверенно, что ей хватило пары минут, чтобы изучить текст и воспроизвести его наизусть на английском, французском, немецком, испанском и сербском языках, после чего впечатлённый инженер задал лишь один вопрос, забирая документ обратно:

– Вы считаете, это хороший доклад?

– Я бы поменяла две запятые в четвёртом абзаце, – ответила она.

– Сколько там абзацев и строк? – уточнил он.

– Шесть абзацев, тридцать четыре строки, – точно указала она.

– Отлично, – пробормотал довольный Энрико Маттеи, меняя запятые и указывая на дверь. – Ваши рекомендации верны, произношение – безупречное, память исключительная, и внимание к деталям у вас, несомненно, есть. – Он сделал паузу и добавил: – Обратитесь к Паоле Акарди, она объяснит, что делать. Хотя, зная её, можете быть уверены, что зарплата покажется вам слишком низкой, а работа – чересчур тяжёлой.

Паола Акарди была привлекательной сорокалетней женщиной с суровым выражением лица и резкими манерами. Она одевалась сдержанно, но со вкусом, обладала редкой способностью либо полностью раствориться в толпе, либо моментально стать центром любого обсуждения. Вполне могла бы сойти за надсмотрщицу на римской галере – именно так ощущали себя её подчинённые, с облегчением вздыхая лишь в дни, когда у неё начинались менструации, так как она страдала от эндометриоза, вызывавшего настолько сильные боли, что ей приходилось лежать в постели под действием обезболивающих.

Когда начальница сопровождала Энрико Маттеи в его многочисленных деловых поездках, Ирина Догонич имела возможность заглядывать в её бумаги и поражалась: несмотря на очевидные богатства, о которых говорили банковские выписки, Паола жила в скромной квартире в пяти минутах от офиса, не имела ни машины, ни достойного жилья. Из принципа она не сближалась с офисным персоналом, а её редкими возлюбленными были крупные и застенчивые мужчины простого происхождения – дальнобойщики, плотники, каменщики. И рядом с ними она не вела себя как влиятельная руководительница одной из крупнейших компаний страны, почти правая рука легендарного Инженера, а как простая уборщица, счастливая быть любимой и защищённой этими гигантами, пахнущими потом – не глянцевым потом сауны и фитнес-клуба, а настоящим трудовым потом.

Когда Ирина встречала кого-то из ухажёров начальницы в близлежащих кафе или у входа в офис, те обычно почтительно называли её «доктор», склоняя голову в знак уважения, и девушка не могла не задуматься: о чём же, Паола Акарди с ними говорит? Но они выглядели счастливыми, и потому необычные отношения такой утончённой женщины с полуграмотными рабочими, как и история простой Алексии Серифович с учёным кардиналом, навели Ирину на немного горький вывод: в вопросах любви ей, похоже, никогда не разобраться.

Работать на Энрико Маттеи означало трудиться без передышки, быть всё время начеку и не допускать ни малейшей ошибки. Взамен же – огромное количество знаний, особенно о том, чего делать нельзя, если хочешь остаться в живых. Трудно было представить, что хоть кто-то на земле успел нажить столько врагов за столь короткий срок.

Ирина Догонич пришла в компанию в тот момент, когда AGIP настолько укрепилась, что осмеливалась конкурировать с Shell, Exxon и BP, отбирая у них контракты во многих стра-

нах. Преимуществом было то, что если разведка скважины не приносила результата, расходы покрывала итальянская сторона, не вычитая их из прибыли с других успешных месторождений. Естественно, это бесило «Семь шлюх-сестёр».

Параллельно ENI поглощала множество национальных компаний в различных отраслях, связанных с энергетикой, что вредило огромному количеству инвесторов, многие из которых имели связи с сицилийской мафией или неаполитанской каморрой. Вдобавок политические взгляды и стиль управления Энрико Маттеи всегда оставались левыми, и он не изменил им даже тогда, когда его главный враг – хитрый, коварный и мрачный Джулио Андреотти стал всемогущим министром обороны.

Мало того, что это и без того было похоже на борьбу одинокого Давида против легиона Голиафов, Инженеру пришла в голову еще и "блестящая" идея – публично заявить, что он не станет инвестировать в нефтяные месторождения Алжира до тех пор, пока страна не станет независимой. При этом всем было известно, что он тайно финансировал Национальную освободительную армию. Разумеется, после такого он немедленно стал приоритетной мишенью для французской ультраправой организации OAS, которая заявляла, что останется в Алжире, даже если придется перерезать глотки всем его аборигенам.

Работать в одном здании с Маттеи или находиться рядом с ним на приеме было слишком опасно, и некоторые люди предпочитали этого избегать. Поэтому для молодой сотрудницы, решившей пробиться наверх, было весьма кстати, что кто-то из начальства освобождал ей дорогу, и со стороны это могло выглядеть так, будто Догонич продвигалась не столько благодаря собственным достоинствам, сколько из-за чужих страхов.

Однажды утром Паола Аккарди позвонила ей и сообщила, что у неё началась менструация, и поэтому она не может сопровождать Большого Босса в поездке на Сицилию и в Милан, попросив занять её место. Это было проявление доверия и отличная возможность для карьерного роста. Однако девушка всего за пару минут вспомнила, что Паола отсутствовала на работе ровно четырнадцать дней назад – это означало, что "приход месячных" был грубой выдумкой. Поездка в Сицилию, колыбель мафии, в тот момент была не просто рискованной – это было почти самоубийством. И даже если мысль о том, что начальница могла иметь достоверную информацию о грядущем несчастье, не пришла ей в голову, сам факт лжи про менструацию насторожил её. Это побудило вспомнить старую истину: «Если в разгар боя тот, кто впереди, пригибается – падай на землю». Она пошла в туалет, нашла кусочек ваты, вложила его между щекой и десной и вернулась с выражением лица, будто страдает от адской зубной боли, заявив, что впервые в жизни идёт к стоматологу.

27 октября 1962 года президент ИНИ отправился на Сицилию на борту Morane-Saulnier 760 и успешно решил свои дела, но во время перелёта в Милан небольшой самолёт взорвался в воздухе, и все трое пассажиров погибли на месте.

Приборы управления были растворены в кислоте, а министр обороны Джулио Андреотти, ответственный за расследование, поспешил заявить, что произошёл несчастный случай. Это объяснение позволило остановить любые попытки родственников погибших добиваться правды.

Похоже, пока самолёт находился в одном из сицилийских ангаров, в него были внесены такие изменения, что при выпуске шасси был замкнут контакт, вызвавший взрыв – уже в момент захода на посадку. Двадцать лет спустя эксгумация тел показала, что в костях погибших были осколки металла с остатками взрывчатки.

В день похорон Паола Аккарди ни словом не обмолвилась о внезапной зубной боли Ирины, так же как и та не стала говорить о неуместной и не вовремя начавшейся менструации. Обе отлично понимали: их дни в компании сочтены – как и у большинства, кто когда-либо сотрудничал с Инженером.

Мечта Энрико Маттеи лопнула, как мыльный пузырь, и те, кто не захотел это признать, рисковали повторить его судьбу.

Глава 2

Прошла всего неделя с момента той злополучной авиакатастрофы, когда мать позвонила Ирине и пригласила пообедать в маленькой траттории, куда они ходили много лет. Однако к удивлению Ирины, за самым удалённым столиком её ожидал не кто иной, как сам кардинал, в своём знаменитом «гражданском» наряде. Как и было ему свойственно, он сразу перешёл к делу, едва они сделали заказ:

– Прежде всего хочу, чтобы ты ясно понимала: я всегда знал о письме с моей подписью, которое ты отправила Маттеи, – бросил он, словно подавая закуску. – Хотя знают об этом немногие, Энрико был одним из моих лучших и самых уважаемых друзей. – Он поднял руку, чтобы не дать ей возразить. – Не нужно извиняться, – добавил. – Если бы ты попросила, я сам дал бы тебе это письмо. Но понимаю, почему ты предпочла действовать самостоятельно. Если я допустил ошибку и оставил бумаги не там, где следовало, – я не вправе тебя упрекать. К тому же я знаю, что ты использовала моё имя достойно: Энрико очень тебя ценил.

– Мне приятно это слышать... – ответила растерянная и, по правде говоря, слегка смущённая девушка. – Я тоже его очень уважала.

– Насколько сильно?

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего предосудительного, дочь моя, ничего такого... – успокоил её дон Валерио с доброй улыбкой. – Просто вопрос.

– Я восхищалась им, уважала, он удивлял меня, и, думаю, в какой-то степени я ему завидовала – за ум, за отвагу и невероятную работоспособность.

– Ты знала, что его убьют в этой поездке?

– Подозревала.

– Но ничего не сделала...

– А что я могла сделать? – её тихий ответ был полон подлинного бессилия. – Каждый раз, когда Инженер входил в дверь, мы облегчённо вздыхали, потому что, как только он уходил, у нас возникало ощущение, что он уже не вернётся. Все в офисе, все в Риме, вся Италия – да и весь мир – знали, что Энрико Маттеи был приговорён. Каждый прожитый им день был подарком от его палачей. В конце концов случилось то, что должно было случиться, и никто – ни я, ни кто-либо ещё – не мог этому помешать.

– Тут ты абсолютно права. Даже он сам был убеждён, что, несмотря на свою огромную власть, его в конце концов убьют, – с грустью признал монсеньор Кавальканти. Подождав, пока пожилой, дрожащими руками официант поставит на стол огромное блюдо антипасто и уйдёт, он спросил: – У тебя есть какие-то догадки, кто это сделал?

– Это всё равно что спросить, какой номер выиграет завтра в лотерее, – спокойно ответила девушка. – Среди стольких кандидатов шансы угадать примерно такие же.

– Верно! – согласился собеседник. – Очень верно.

Он без особого интереса попробовал острый пармезан и превосходную мортаделлу, хотя был человеком с хорошим аппетитом и ценителем еды. После долгой паузы, пока Ирина Догонич просто смотрела на него, теряясь в догадках, зачем всё это, он наконец спросил:

– А хочешь узнать, кто был виновен?

– А зачем? – немедленно парировала она, и было ясно, что говорит совершенно искренне. – Чтобы был кто-то конкретный, кого можно ненавидеть и бояться?

– Ненависть и страх никогда не приносили пользы... – признал отец её братьев. – Но, полагаю, тебе хотелось бы знать настоящую причину, по которой его убили.

– Это мне совершенно ясно, – ответила девушка без тени сомнений. – Из-за денег. Из-за баснословных денег.

– Ошибаешься... – возразил священник, и тон его был полон уверенности. – Хотя, конечно, деньги всегда на заднем плане, но, по моему мнению – а поверь, я знал Энрико Маттеи лучше всех – его убили не из-за денег, не из-за политики, не из-за зависти, не из-за профессиональной ревности и не из-за религии. Его убили из страха.

– Страх перед чем?

– Перед тем, на что он был способен.

Ирина Догонич делала вид, что ест, но на самом деле вновь задавалась вопросом, зачем нужна была эта странная, по её мнению, совершенно бессмысленная беседа. Почти все правительства, спецслужбы и СМИ мира ломали головы над тем, кто, как и зачем устроил взрыв, уничтоживший троих человек. И ей совсем не казалось логичным, что ответ может скрываться за последним столиком в углу старой трактирии.

– Я работала с Маттеи почти четыре года... – наконец сказала она. – И могу без ошибки повторить всё, что он говорил за это время, так же, как могу переписать слово в слово каждое его письмо или документ, проходившие через мои руки. Потому-то я и знаю, что он был способен на всё – каким бы абсурдным, нелепым или рискованным это ни казалось. Что именно вы имеете в виду?

– Ты когда-нибудь слышала от него про проект под названием Hungriegerwolfe?

– От него лично – нет, – искренне ответила она. – Но три месяца назад я увидела это странное слово – причём с орфографической ошибкой – в записке без подписи, которую ему передал «Его Преосвященство».

– Кого ты называешь «Его Преосвященством»? – встревожился дон Валерио.

Девушка просто посмотрела на него, прищурившись с ироничной улыбкой, и с абсолютной дерзостью сказала:

– Учítывая, монсеньор, что я много лет тренировалась подделывать ваш почерк, уверяю вас: даже лучший графолог не отличит настоящее ваше письмо от подделки. А вот я – отличу.

– Меня поражает твоя наглость.

– Дон Валерио! – строго воскликнула она. – Только не говорите мне о наглости. Напомните вам, кто мои братья?

– Ну, это...

– Что – «это»? Я ещё стул подставляла, чтобы глядеть в замочную скважину своей комнаты и видеть, как вы, разговаривая по телефону, расхаживаете по салону в одних трусах.

– Да поможет мне Господь!

– И да простит. Кстати! Где вы покупаете нижнее бельё?

– Не знаю. Этим занимается мой секретарь.

– Вам бы его уволить.

Обычно словоохотливый и уверенный в себе священник растерялся, тяжело вздохнул – почти как с проклятием – и, отодвинув немного тарелку, признал:

– Думаю, мы отклонились от темы. Хотя ты права как минимум в двух вещах: во-первых, действительно, Господу придётся быть особенно милосердным ко мне – я слишком уж много грешил, а во-вторых, да, я действительно написал ту записку. Помнишь, что в ней было?

– Вы умоляли Инженера не подвергать себя стольким опасностям, снизить давление в нефтяной сфере, прекратить поддержку алжирцев и сосредоточиться на том, что действительно важно – на этом загадочном Hungriegerwolfe, который мог бы принести огромные экономические ресурсы, способные вытащить Италию и добрую часть мира из нищеты, в которую их ввергла война.

– У тебя потрясающая память. Я бы даже сказал – почти нечеловеческая.

– Хотите, я вам повторю текст слово в слово?

– Не нужно. А что ты подумала, когда прочитала эту записку?

– Она удивила меня. Я не могу представить себе, чтобы что-то – даже если это по-немецки и называется «голодные волки» или какая-нибудь другая глупость – могло быть важнее нефти.

– А вот и есть, – уверенно ответил он. – Или, по крайней мере, было.

– Сложно в это поверить человеку, который столько лет проработал в Ente Nazionale Idrocarburi.

– Ты хочешь продолжить работу в ENI? – с тревогой спросил священник. – Я бы тебе не советовал, но знаю новых руководителей и могу написать несколько писем... – особенно выделил он последнее слово: – Настоящих.

Ирина Догонич несколько мгновений обдумывала его предложение, взвешивая все за и против, и, очевидно, пришла к выводу, что без основателя компания, которой она так гордилась, уже не будет прежней, поэтому едва заметно покачала головой:

– Без духа Инженера мой кабинет станет всего лишь местом, где больше не будет ежедневных вызовов, волнения, страха или испуга от звука мотоцикла на улице. Полагаю, мой единственный страх – это увидеть, как с каждым годом я буду чахнуть, пока не превращусь в старую деву. – Почему в старую деву? Ты что, не собираешься выходить замуж? – Вопрос, последовавший за этим, прозвучал с явным беспокойством: – Тебе что, не нравятся мужчины? – Проблема не в том, нравятся ли мне мужчины, монсеньор, а в том, нравлюсь ли я им. Вы на меня внимательно смотрели? – С тех пор как ты вставала на стул, чтобы подглядывать за мной в замочную скважину, дочка. Вспомни! И по моему личному мнению, то, что ты выросла в тени женщины столь исключительной красоты, как твоя мать, заставило тебя поверить, будто у тебя самой нет и тени. – Он слегка кивнул в сторону её глаз и добавил: – Ты просишь, чтобы я на тебя посмотрел... Посмотри на себя сама! Такое ощущение, будто ты одеваешься в том же магазине, где мне покупают трусы. Ты всё время ходишь с пучком, как старая бабка, ходишь, как цапля в поисках ящериц, никогда не красишься и, похоже, даже не заметила, что у тебя уже давно нет прыщей. – А как же этот нос? – Я знаю одного доктора, который за пару недель мог бы заменить тебе его на любой: египетский, еврейский, греческий или римский. Он мне кое-чем обязан, и взял бы только за издержки. – Это означало бы потерять свою индивидуальность. – Что – свою? – переспросил кардинал так, будто искренне не понял, о чём она. – Мою индивидуальность, – повторила она, понимая, насколько глупо это звучит. Собеседник оглядел её с ног до головы почти оскорбительно откровенно, особенно задержав взгляд на платье с распродажи и растянутом вязаном жакете, который она связала сама. Казалось, он сначала хотел ответить резко, но, передумав, заметил: – Твоя настоящая индивидуальность в том, как усердно ты стараешься не иметь никакой индивидуальности, дорогая. Но так как я знаю тебя с тех пор, как вытирал тебе сопли, я понимаю, почему. В детстве ты была вынуждена молчать о том, что происходило у вас дома, и твоей лучшей защитой было остаться незаметной, чтобы тебя не вынудили рассказать, что твоя мать была любовницей кардинала, а твои братья – бастарды, дети священника. – Он похлопал её по руке, впервые проявив к ней настоящий жест заботы – возможно, за всю жизнь. – Но стыдиться этого должна не ты, и даже не твоя мать, которая просто хотела, чтобы ты выжила. Виноват я, потому что воспользовался ситуацией и даже оказался такой свиньёй, что в какой-то момент изменил ей с другой. – С той танцовщицей, которая, в свою очередь, изменяла вам с американским полковником? – Генералом, – уточнил тот, придиричливо. – Но правда в том, что одна звезда больше или меньше не делает рога ни ярче, ни тусклее, – признал священник с редким чувством самоиронии. – Но не будем отвлекаться, потому что, возможно, этот разговор – самый важный в твоей жизни. Ирина Догонич посмотрела на своего почти-отца с некоторым удивлением от его серьёзности. – Почему? – спросила она. – Во-первых, потому что мы впервые говорим откровенно о наших семейных отношениях. Не знаю, почему раньше не делали этого – из удобства, лицемерия или потому, что не хотели ранить твою мать, которая связывает нас и которая, я знаю, была вынуждена делать то, что её отталкивало и стыдило – исключительно из любви к тебе... – Он замолчал,

словно ожидая подтверждения, но, не дождавшись, продолжил: – Война, голод и отчаяние – слишком сильные враги для женщины, которая скитается по миру с ребёнком на руках. – Это я всегда знала и принимала, и потому мне даже в голову не приходило её осуждать, приговаривать или оправдывать, – ответила девушка, абсолютно искренне. – Сколько себя помню, у меня было всё необходимое. И, думаю, львёнок не задаётся вопросом, кого мать убила, чтобы принести ему ужин. И уж точно я не вправе говорить о морали – я сама укусила руку, которая меня кормила. – Ты о той глупой рекомендательной бумаге? – с презрением спросил дон Вальерио. – Не говори чепухи! Укусить мою руку – это было бы подделать мои щеки, что ты могла бы сделать с закрытыми глазами, или продать историю о кардинале в нижнем белье какой-нибудь жёлтой газете. А что касается писем с рекомендациями – можешь использовать сколько угодно, я заранее прощаю тебя за этот мелкий грешок. – Он достал из кармана пять-шесть листов, написанных от руки, и протянул ей. – Второй момент, по-настоящему важный, – это этот отчёт, который ты должна выучить наизусть, как умеешь, и сохранить в своей потрясающей памяти, потому что до конца обеда я собираюсь его сжечь.

Пока старый и раздражающий официант уносил антипасто, чтобы заменить его на фирменные спагетти с вонголе, Ирина Догонич воспользовалась моментом, чтобы бросить первый взгляд на документ, озаглавленный коротко: *Hungriegerwolfe*.

Прочитав и положив его себе на колени, частично прикрыв салфеткой, она скептически заметила: – Мне потребуется два-три прочтения, чтобы выучить всё как следует, но на первый взгляд это выглядит невероятно. Откуда эти данные? – От абсолютно надёжных людей... – твёрдо ответил он с мрачным юмором. – Мёртвых, но надёжных. – Вы знали их лично? – Одного из них – хорошо. Чезаре Монтинья, мы сидели за одной партой в лицее. В феврале сорок второго он пришёл ко мне, уверяя, что все, кто участвует в этом проекте, умрут. Больше я его никогда не видел. – Может, он просто потерпел неудачу, – предположила Ирина. – А может, добился успеха – и всех, кто был с ним связан, ликвидировали, – жёстко парировал он. – Тогда миллионы людей убивали без видимой причины, и на мой взгляд, *Hungriegerwolfe* – причина более чем весомая. – Но речь идёт о десятках, почти сотне инженеров, техников и высококвалифицированного персонала. – Которых будто поглотила земля или развеял воздух, – пояснил монсеньор Кавальканти, сделав жест десятью пальцами вверх. – Исчезли! Испарились! Обнулились! Будто 73 итальянца, причастные к проекту, никогда не существовали.

Ирина Догонич, едва притронувшись к спагетти, перечитала документ, стараясь запомнить каждую фразу и каждую деталь, вновь спрятав его под салфетку и почти нехотя кивнула: – Действительно тревожно, – признала она. – Но я всё равно не понимаю, при чём тут я. – А при том, что с детства твоя мать говорила мне о твоей феноменальной памяти. Позже и твои учителя, и Энрико, и Паола подтвердили: в этом ты – настоящий гений. – И что? – А то, что после несчастного случая, который, по моему мнению, напрямую связан с этим делом, я понял: лучшего сейфа для такого секрета, чем твоя голова, просто не найти. – Кто ещё знает эти имена и данные? – спросила девушка, заметно напрягшись. Монсеньор отпил вина, вытер губы и с запозданием ответил, но с полной уверенностью: – Насколько мне известно – никто. И как только эти бумаги сгорят, меня, может, и смогут заставить рассказать кое-что, но не больше, потому что все документы уничтожены, а имён я не помню. Я хочу, чтобы когда всё уляжется, всё забудется, и настанет время возобновить расследование по делу *Hungriegerwolfe*, ты смогла бы предоставить нужную информацию. – Думаю, я вам это должна. – Ошибаешься! Это не ты мне должна, а я тебе. И уж точно я не собираюсь пользоваться тобой бесплатно – я тебе заплачу. – Вы с ума сошли? – возмутилась Ирина Догонич. – Думаете, я возьму с вас деньги за то, что выучу семь простых страниц? – Это не «простые страницы», дорогая. Это – вся информация, что есть о чём-то, что однажды может стоить сотни миллиардов.

Глава 3

Паолу Аккарди нашли мёртвой в её постели – обнажённую, изнасилованную, подвергнутую пыткам и задушенную. Но самым тревожным в этом ужасном преступлении оказалось не бесчеловечное озверение убийцы, а то, что ни полиция, ни СМИ не сделали акцента на том, что жертва была образованной и утончённой женщиной, много лет сотрудничавшей с человеком, погибшим за полтора месяца до этого при таинственном крушении самолёта. Напротив – с особым усердием подчёркивалось, что она якобы вращалась в обществе представителей криминального мира, грубых и жестоких мужчин, которым без колебаний открывала двери своей спальни, будто не понимала, что в Риме полным-полно психов, сексуальных извращенцев и садистов.

Через два дня Ирина Догонич получила звонок от матери, которая настоятельно велела ей срочно собрать самое необходимое, немедленно покинуть квартиру и, убедившись, что за ней никто не следит, отправиться в тот же ресторан к тому же времени. Монсеньор Кавальканти ждал за привычным столиком, но выглядел совсем другим человеком.

– Я не ожидал этого! – это были его первые слова, прозвучавшие с горечью. – Честно, не думал, что они зайдут так далеко. Бедняжка Паола ничего не знала, а её пытали по-настоящему зверски!

– Вы хотите сказать, что её смерть связана с Hungriegerwolfe? – резко спросила Ирина. – Это абсурд!

– Абсурд? – переспросил дон Валерио, качая головой так, будто у него вывихнулась шея. – Дорогая, у меня есть друзья и осведомители повсюду, даже в полиции. А те, кто ведёт дело, уверены: в её спальне были как минимум трое мужчин. И, похоже, весьма профессиональных.

– Мне страшно.

– Не удивительно. Страх – заразителен. Я знаю это по собственному опыту: стоит на минуту ослабить бдительность – и тебя уже делают папой.

– Я думала, это мечта любого священника.

– Для меня это стало ночным кошмаром. До такой степени, что во время конклава мне пришлось напомнить некоторым полусонным пурпурноносцам: прежде чем я стал кандидатом в Святейшие Отцы, я уже был обычным отцом.

– Вы меня всегда поражаете.

– Удивлять – вот моё настоящее призвание, а не раздавать благословения, дорогая, – признался он с почти вызывающей откровенностью. – Несмотря на бесконечные изъязнения, наша святая Церковь выжила потому, что в ней были два типа лидеров: тех, кого обожает толпа, и тех, кто действует из тени, чтобы голос Господа не замолкал. Соборы держатся не на сияющих статуях святых, что стоят на алтарях, а на мрачных камнях в фундаменте, скрытых глубоко под канализацией.

– Вы считаете себя одним из таких камней?

– Самым глубоким и вонючим. Но и самым неподвижным.

– Любопытное определение. И весьма жестокое по отношению к себе.

– Справедливость редко бывает мягкой. – Кардинал замолчал, погрузившись в мрачные мысли. Наконец, будто находясь далеко отсюда, прошептал едва слышно: – Никогда мне не нравилась избитая фраза, что «мы пастыри, оберегающие стадо». Пастырь мне всегда казался фигурой пассивной. В ней предполагается, что стадо уже есть, и его нужно просто наблюдать: как оно ест, спаривается и размножается. Нет! – повысил он голос. – Это не про нас! Мне ближе образ земледельца, что расчищает поля, днём и ночью проводит борозды, поливает, выдёргивает

вает сорняки и сеет, чтобы потом пожинать миллионы. Если бы Господь был не творцом, а созерцателем – нас бы здесь не было.

Девушка, немного растерянная от этой внезапной тирады, смотрела на собеседника так, будто видела его впервые. Или будто он не имел ничего общего с тем угрюмым и развратным великаном, который разгуливал по дому в нижнем белье и не позволял ей возвращаться из школы раньше восьми вечера, чтобы её не шокировали крики и стоны, доносившиеся из спальни её матери. Но времени на размышления у неё не было: словно возвращаясь из далёких грёз, дон Валерио продолжил:

– Я велел тебе взять только самое необходимое, потому что уверен: все, кто в последнее время был рядом с покойным Энрико, в опасности.

– Из-за Hungriegerwolfea?

– Я не знаю. Но у нас, в Калабрии, есть одна старая пословица: «Если ты не знаешь, с чем имеешь дело, но это может быть опасно – не спрашивай. Беги».

– Здравый подход, – признала она.

– Твои братья – лучшее доказательство того, что здравомыслие никогда не было моей сильной стороной. Но, думаю, пришло время меняться. И начать я должен с того, что... убью тебя.

– Что вы сказали?! – воскликнула поражённая и почти перепуганная Ирина. Её нижняя челюсть ослабла, и рот остался приоткрытым.

– Я сказал, что лучше всего – тебя убить. Потому что даже у самого глупого убийцы не возникнет идеи пытаться устранить труп.

– И вы собираетесь это сделать... здесь? – спросила она, оглядываясь по сторонам. – В трактире?

Теперь смутился сам кардинал, как будто она заговорила с ним на сербском.

– Разумеется, – пробормотал он с очевидной издёвкой. – Под столом у меня обрез, сейчас я тебе мозги вышибу. Какая глупость! Я просто хочу, чтобы ты поняла: для Ирины Догонич, которая работала на Энрико Маттеи и Паолу Аккарди, лучшее – это «официально» исчезнуть с лица земли. До того, как её «пригласят» по их стопам.

– Как?

– Став кем-то другим. Машина ждёт снаружи. Закончим обед – отвезу тебя в безопасное место. Когда настанет время, мой друг-хирург сделает тебе операцию на нос. Потом ты перекрасишь волосы, а ещё будешь носить ленты-пластыри вдоль спины – от плеч до талии – чтобы научиться ходить с прямой осанкой. Неудобно, больно – знаю по себе, но работает. И, наконец, я позабочусь о новой личности и средствах, которых тебе хватит, чтобы спокойно жить где пожелаешь.

– Но ведь это не значит, что я действительно буду мертва. Меня всё равно могут искать... если вообще кто-то ищет, – возразила она вполне логично.

– Знаю. Но как только появится неопознанный и неузнаваемый труп, мои друзья из полиции удостоверят, что это ты.

Её реакцией стало то, что она набросилась на мортаделлу с такой жадностью, будто решила, что ест её в последний раз. А может, просто хотела избежать того, чтобы вскочить и убежать, или не дать волю крику в приступе паники. За несколько минут осознать, что вся прежняя жизнь исчезает, что она больше не увидит мать и братьев – тяжёлое испытание. Возможно, мортаделла помогала его пережить.

– Это безумие... – прошептала она почти со слезами, чуть не поперхнувшись.

– Дорогая, я пережил столько безумств во время войны, что это – сущий пустяк, – спокойно ответил кардинал. – Когда гестапо дышало нам в затылок, мы открыто причащали и заставляли петь в хоре евреев – иначе они бы погибли в лагерях. Я знал множество «живых мертвецов» и «воскресших покойников» с фальшивыми документами. А в катакомбах толпи-

лись женщины и дети, как скот... Господи Боже! Вот тогда я действительно чувствовал себя пастырем, защищающим своё стадо от голодных волков.

– Мама рассказывала мне, что тогда Ватикан напоминал настоящий сумасшедший дом.

– И шлюхами! И даже святыми, потому что было всякое; двое моих товарищей по семинарии погибли как мученики, в то время как другие сделали карьеру за счёт чужих страданий, и даже один из них, проклятый фашист, сукин сын, метил на трон святого Петра. Нам удалось отговорить его только после того, как мы предъявили доказательства его соучастия в военных преступлениях и гонениях. – Монсеньор Кавальканти с отеческой нежностью погладил руку своей спутницы, а потом легонько щёлкнул её по лбу указательным пальцем и добавил: – Вот почему я всегда так не доверяю секретным документам: как бы хорошо их ни скрывали, всегда есть опасность, что кто-нибудь вытащит их на свет спустя годы. Что касается *Hungriegerwolfe*, он существует только у тебя в голове, и только от тебя зависит, узнает ли когда-нибудь кто-то, что он значит.

– Вот уж ответственность на меня взваливаете... – справедливо возразила она.

– Я знаю! – признал священник. – И сожалею об этом. Но ты – единственный человек, которому я могу доверить секрет такой важности... – Он помолчал, прежде чем добавить: – И тем более – с таким количеством имён, дат и номеров. Признаю, это огромная ответственность, и я бы понял и принял без возражений, если бы ты решила стереть всю эту информацию из своей памяти.

Он замолчал, потому что, словно в замедленном кадре кинофильма, дряхлый официант медленно подошёл, волоча ноги, убрал поднос с антипасто, даже не проверив, осталось ли там что-то, и вскоре вернулся с двумя дымящимися тарелками спагетти, чтобы снова совершилось поразительное чудо, повторявшееся уже полвека: его дрожащие руки или костлявые ноги не подвели, и обед не рухнул с грохотом на пол. Когда он, никуда не торопясь, вернулся к своему месту рядом с кассой, монсеньор Кавальканти снова заговорил:

– Старик Тонино и на собственные похороны явится с прямой спиной и салфеткой на руке. – Он изобразил нечто вроде улыбки и спросил: – Смогла бы ты стереть из памяти такой отчёт, если уж выучила его наизусть?

Ирина Догонич, которая сейчас уплетала спагетти почти с той же жадностью, с какой до этого съела всю мортаделлу, задумалась, а потом ответила:

– Это трудно, но можно использовать довольно эффективную систему: переписываешь документ, меняешь имена, даты и технические данные, учишь заново. Через несколько дней переписываешь снова, меняешь остальное – и снова заучиваешь. – Она пожала плечами, как бы подводя итог: – Со временем всё так перемешивается в памяти, что получается головоломка, которую никто уже не сможет сложить заново.

– Хитро! – признал священник. – Очень хитро. Ты это сделаешь?

– Надо подумать.

– В таком случае можешь вернуться в свою квартиру и подумать там, надеясь, что мои страхи – это всего лишь паранойя старого кардинала, который слишком долго провёл среди коррумпированных политиков и дряхлых кардиналов и теперь с удовольствием воображает нелепые заговоры.

– То, что самолёт самого влиятельного человека в Италии взрывается в воздухе, все называют несчастным случаем, а потом быстро заминают дело – это пахнет настоящим заговором, и, по-моему, совсем не нелепым, – перебила она его. – Да и по тому, что вы рассказали о смерти Паолы – тоже.

– В таком случае, мой совет – доешь свои спагетти и позволь мне отвезти тебя в тихое место, где у тебя будет время подумать о своём будущем.

Место и правда было тихим – настолько тихим, что овцы подошли понюхать её, потому что для большинства из них она была первым необычным существом, появившимся в их жизни с момента рождения. Тот же пастух, тот же хлев, та же река и те же луга, по которым их каждый день гнали в тягостном, задумчивом паломничестве за свежей травой... И вдруг – человек, который не пахнет ни дровами, ни дымом, ни вином, ни чесноком, ни луком – настоящее событие, даже для ограниченного воображения овцы.

Предполагается, что свежий воздух, тишина, одиночество и расслабляющие пейзажи помогают человеку найти себя и обрести душевный покой. Но опыт подсказывает, что иногда – чаще, чем кажется – это только усугубляет проблему, особенно если на кону стоит сама жизнь.

Дурак не перестаёт быть дураком, сколько бы он ни размышлял в деревне, а гений не становится гениальнее, сидя под деревом... если только по голове ему не стукнет яблоко. Блестящие идеи чаще появляются в грохоте сражений, чем на фоне идиллических полей с маками – они вспыхивают внезапно и живут по своим сумасшедшим прихотям. Исследования и методика – это совсем из другой области.

А Ирина Догонич приехала в этот затерянный домик на берегу озера Бачано не для научных открытий или философских размышлений – она приехала, чтобы решить, останется ли она Ириной Догонич.

Иногда она сидела неподвижно, глядя в тусклое зеркало огромного, разошедшегося шкафа, и спрашивала себя: что я почувствую в тот день, когда сяду на эту же кровать и не узнаю отражения?

Всё, что у неё было с тех пор, как она себя помнит – это личность. Хорошая или плохая, яркая или тусклая, но своя. А теперь ей предлагали отказаться от неё, как от старого, рваного и ненужного платья.

Монсеньор Валерио Кавальканти хотел замаскировать её, превратив в «ходячий сундук». Ирина родилась среди крови, смерти и грохота орудий, а теперь от неё ждали, что она вновь родится среди овец, цветов и пения соловья.

Куда же отправятся все прожитые годы между этими двумя рождениями? Скорее всего – в забвение. В кучу воспоминаний, о которых она даже не сможет рассказать внукам... если они у неё когда-нибудь будут. Застенчивая девочка, робкая подросток, одинокая трудяга – все они должны исчезнуть, не оставив ни могилы, ни урны с прахом. Даже старые семейные фото потеряют смысл.

Как отреагируют мать и братья на весть о её смерти? Расскажет ли им Кавальканти, что это была инсценировка? Или предпочтёт, чтобы они поверили – она действительно умерла?

– Это слишком тяжело... – горько прошептала она. – Поймите это.

– Понимаю. Но твоя мать была у тебя в квартире в четверг, чтобы забрать вещи, как ты просила, и ушла с ощущением, что там кто-то основательно шарил. Кроме того, Фульвио Граси, близкий друг Маттеи, погиб в странной автомобильной аварии... Так что жить в ожидании, пока мои страхи воплотятся, вряд ли легче.

– Он сорвал травинку и начал крутить её в руках, словно нуждался в чём-то осязаемом, чтобы выразить себя в этот сложный момент. – Но окончательное решение – за тобой.

Он прибыл с первым светом, один, на безликом автомобиле, который обычно использовал для визитов в дом своей любовницы. После обильного завтрака на клеёнке в кухне с копчёными стенами они не спеша поднялись на холм с видом на озеро и сели на скамейку под каштаном, которую он велел установить много лет назад.

– Это лучшее место в округе. Здесь я принимал самые трудные решения, – признался он с детской виноватостью. – И, по своему суеверию, был бы счастлив, если бы ты приняла моё предложение именно здесь.

– Это так важно для вас? – удивилась Ирина. – Я благодарна за ваше участие, но, может, вам было бы проще, дешевле и практичнее, если бы я просто переписала этот дурацкий отчёт,

сунула в бутылку и закопала под деревом. Всё равно в нём нет ни слова, что же такое этот Hungriegerwolfe, зачем он, и почему из-за него столько людей погибло.

– А что толку в секрете, спрятанном в бутылке, милая? – резко ответил Кавальканти. – Я старею, и однажды просто забуду, куда её закопал. Важно не то, что мы знаем, а то, чего мы не знаем. – Он пожал плечами, как будто собирался сказать очевидное: – А выяснить это можешь только ты.

– Я так и думала.

– И я знал, что ты так подумаешь, – откровенно признал он. – У меня есть деньги и связи, которые упростят расследование. Но нет ни одного человека, кому я бы осмелился сказать про Hungriegerwolfe без страха, что через пару дней Святейший Отец будет вынужден назначить нового кардинала, а твои братья – осиротеют. – Он глубоко вздохнул, словно ныряя в холодную воду: – Поэтому моё предложение простое: новая внешность, новые личности и куча денег – если попытаешься выяснить, что стоит за этой проклятой чепухой.

Девушка посмотрела на человека, которого так часто видела в одних трусах, вспомнила всё – хорошее и плохое – что обязана ему, обдумала предложение, понимая, что задача ей не по плечу, и наконец спросила:

– Вы думаете, у меня есть шанс?

– Нет.

– Тогда?..

– А что мне ещё делать, чтобы успокоить совесть и получить прощение? – с горечью произнёс он. – Я задолжал тебе за те страдания, что ты пережила из-за поведения своей матери. А ещё я много должен Богу, которого оскорблял в его собственном доме.

– Наш долг давно закрыт, – напомнила она.

– Может, основной долг – и да, но проценты – нет. А в этом я разбираюсь лучше тебя – я ведь банкир, – ответил он с уверенностью и неизменным чувством юмора. – А перед другим своим кредитором – у меня такой счёт, что, чтобы его закрыть, мне нужно предстать с настоящим сокровищем.

– Вы сейчас не на проповеди, монсеньор! – возразила она. – Когда перестанете юлить и заговорите «по-человечески», тогда и начнём понимать друг друга.

– Хорошо! – уступил священник. – Хотя время – не моё. И будь оно моим, я бы не позволил ему мчаться так быстро. К делу! Около четырёх лет назад, когда африканские страны начали обретать независимость, я понял: с уходом колонизаторов континент останется без руля, и всем будет плевать, если он попадёт в руки тиранов, коммунистов или – что ещё опаснее – исламизма, который остаётся навсегда, где бы ни укоренился. Тогда я и создал Организацию Африкания.

– Я слышала об этой работе, но не думала, что за этим стоит Церковь.

– И не стоит! – поспешил пояснить он. – Не в том смысле, в каком мы привыкли: с помпой, парадами и бессмысленными тратами. Прежде чем посылать библии – надо учить читать. Прежде чем говорить о рае – нужно сделать так, чтобы туда не хотелось попадать как можно дольше. Я плохой кардинал, но отличный администратор. Мне нужны не дворцы, а школы, университеты, больницы и заводы, чтобы доказать: христианство живо и может дать людям лучшее будущее, чем то, что обещают имамы.

– Звучит как безумная утопия, – быстро ответила девушка. – И простите, что я так скептически настроена. – Две тысячи лет назад безумной утопией казалось и то, что сын плотника провозгласил равенство между людьми, призывая любить друг друга и не принимать рабство. Но именно благодаря тому, что дюжина оборванцев поверила в эту мечту, мы смогли дойти до сегодняшнего дня. Тем не менее, нельзя забывать, что практически все державы, поработившие этот континент – будь то Англия, Франция, Германия, Бельгия, Португалия, Испания или Италия – исповедуют христианство. А это значит, что мы оставили слишком глубокие раны,

которые нельзя исцелить пустыми словами проповедей, только реальными и действенными социальными делами.

Глава 4

За ней приехали ночью, прооперировали тоже ночью и вернули в то же самое место спустя две недели – опять ночью. Несколько дней тусклое зеркало в спальне отражало лицо с синяками и искажёнными чертами, которое постепенно, к её ужасу, превращалось в лицо незнакомки.

Но оно было прекрасным.

Да, несомненно, прекрасным!

Спокойное, гармоничное, с большими зелёно-голубыми глазами, которые, казалось, стали ещё больше и ярче, заняв своё место по обе стороны совершенного носа, под которым слегка подправленные, полные губы дополняли безукоризненный облик. Работа была выполнена на высочайшем уровне, и, возможно, её автору было больно оттого, что он не сможет похвастаться своим мастерством перед будущими пациентами.

А может, он даже сам так и не увидел результат своего кропотливого художественного труда, потому что монсеньор Валерио Кавальканти проявил такую осторожность, что не позволил никому – даже себе – узнать, как выглядела умершая Ирина Догонич в своей новой жизни.

Он попросил её лично сделать фотографии для новых документов, когда лицо будет готово к показу, чтобы некий анонимный чиновник прикрепил их к трём безымянным паспортам трёх разных стран, а другой, столь же безымянный, снабдил их именами и поддельными печатями. Кардинал вновь доказал, что может быть грешником, полным недостатков, но организатором – с массой достоинств.

Однажды утром, спустя почти восемь месяцев после первого прибытия в дом, Ирина Догонич обнаружила вместе с хозяевами фермы – сдержанной и молчаливой супружеской парой, открывавшей рты только за столом – что в амбаре ночью припарковали блестящий автомобиль, в багажнике которого лежал чемодан с тем, что могло ей понадобиться для начала новой жизни.

Через три дня, незадолго до рассвета, она уехала, и первые лучи света застали её среди потока машин на шоссе, ведущем на север. Она ехала, не останавливаясь, кроме как на заправках и чтобы поесть, пока не оказалась в безопасности – на французской земле.

Один только факт, что она слышала другую речь и видела другие формы погон и мундиров, позволил ей впервые глубоко вдохнуть, как будто она завершила опасную гонку и сбросила с плеч огромный груз. Последние месяцы она жила в постоянном страхе, что негодяи, замучившие и убившие Паолу Акарди, внезапно появятся у неё за спиной.

В Ницце она остановилась в милом и уютном отеле, на следующий день собрала немногочисленные вещи, оставила машину на общественной парковке и села на поезд в Париж. Однако, прибыв в Лион, сошла в последний момент, чтобы затеряться в толпе – и только тогда почувствовала себя по-настоящему в безопасности, осознав, кто она такая.

Никто.

Паника уступила место пустоте, и эта пустота постепенно начала заполняться осознанием неоспоримого факта: она – женщина, разорвавшая все мосты с теми, кого любила, и даже с самой собой.

С того момента, как она покинула озеро Бачано, и до самой границы не проходило и пяти минут, чтобы она не взглянула в зеркало заднего вида – не только чтобы убедиться, что её никто не преследует, но и чтобы понять, действительно ли за рулём сидит Ирина Догонич. К счастью, в этом маленьком зеркале она видела лишь глаза – те же самые глаза, в которых всё ещё отражалась её прежняя жизнь. Но когда она вошла в лифт в отеле Ниццы, отражение

в зеркале поразило её: незнакомка, на которую с вождением поглядывал грузчик, переносящий её чемодан, заглядывая ей в вырез.

Никогда раньше на неё так не смотрели. Она и сама не могла понять – нравится ей это или оскорбляет, и не могла определить, на кого именно смотрит. Раздеваясь, она пришла к выводу, что грудь, которой восхищался носильщик, всегда была совершенна, и хирург не нашёл нужным её трогать. Но, похоже, одной лишь смены «обёртки» оказалось достаточно, чтобы она стала ещё красивее и даже объёмнее.

В Лионе у неё наконец появилось время подумать о будущем и попытаться забыть прошлое, к которому она не могла и не хотела возвращаться. Теперь она была привлекательной молодой женщиной, с крупными суммами на номерах счетов в офшорных банках. Единственной её обязанностью было каждую неделю – по понедельникам – звонить по определённому номеру в Риме и узнавать, не требуются ли её услуги.

Хотя она знала, что никогда не забудет имён, дат и цифр, она дважды в неделю садилась писать одну-единственную страницу отчёта о *Hungriegerwolfe*, перечитывала её снова и снова – и сжигала. Она всегда подражала почерку монсеньора Кавальканти, и с таким упорством, что его каллиграфия постепенно становилась её собственной. Она решила, что Ирина Догонич должна исчезнуть даже в таком, казалось бы, незначительном аспекте.

Их последняя беседа с дон Валерио на берегу озера окончательно убедила её в том, что она обязана не только сменить внешность и личность, но и посвятить все силы раскрытию тайны, скрытой в этом странном слове, и понять, почему так много невинных людей погибли или исчезли. Эти исчезнувшие становились её семьёй, несмотря на то что, возможно, настоящая их семья уже не помнила о них.

Часто она думала, что глупо так переживать из-за горстки незнакомцев, ведь война унесла миллионы жизней, о которых никто не вспомнит. Но в такие моменты она говорила себе, что те, кто был связан с *Hungriegerwolfe*, не должны быть забыты. Быть может, где-то в далёком уголке мира кто-то из них ещё жив – и сможет рассказать, что же произошло.

Чтобы это выяснить, ей нужно было собрать огромное количество информации. И после долгих размышлений она пришла к выводу, что лучше всего для этого подойдёт страна великих секретов и нейтралитета – Швейцария.

Во время войны Женева стала ключевым городом, местом встречи шпионов и дипломатов из враждующих лагерей и хранилищем несметных богатств, нажитых на войне и спрятанных в банковских подземельях.

Но, поняв, что постоянное проживание в Женеве может привлечь к ней внимание, она решила снять симпатичный домик по ту сторону границы – в очаровательном городке Дивонле-Бен, известном с римских времён своими целебными водами. Там никого не удивило бы, что женщина, нуждающаяся в фторе, кальции и магнии, решила остаться навсегда.

Пятиминутной прогулки было достаточно, чтобы оказаться в Швейцарии, а в те дни, когда она чувствовала в себе силы, она преодолевала двадцать километров до Женевы на велосипеде.

В Дивоне также было красивое казино с отличной кухней, где она пару раз в неделю ужинала и развлекалась игрой в баккара, что иногда приносило ей небольшие выигрыши.

Обстановка была приятной, а в пятницу и субботу – даже по-настоящему роскошной: поскольку в Швейцарии азартные игры были запрещены, богачи со всех берегов озера приезжали туда, чтобы поставить огромные суммы, зачастую в компании элегантных дам или ярких девушек-сопровождающих, усыпанных драгоценностями с головы до ног.

Она превратила свою жизнь в рутину: по вторникам и четвергам – посещение курорта (не потому, что ей действительно нужны были воды, но это оправдывало её постоянное пребывание в Дивоне), по понедельникам и средам – поездки в Женеву, иногда на велосипеде, иногда – на скромном подержанном белом «Рено». Всё остальное время она посвящала изуче-

нию всего, что было написано о Второй мировой войне, а также совершенствованию языков, которыми ещё не владела в совершенстве, особенно русского. Несколько часов в неделю она уделяла также мнемотехнике и тренировкам по скорочтению. Для любой другой женщины, не достигшей двадцати пяти лет, подобный образ жизни – монотонный, без других стимулов, кроме изучения языков и накопления информации, как откармливают гуся – показался бы невыносимым. Но, как ни странно, Ирина Догонич впервые в жизни чувствовала себя счастливой и состоявшейся.

Предсказуемая травма, которой мог бы обернуться резкий поворот в её внешности, образе жизни и личности, оказалась смягчённой осознанием того, что всё, что она потеряла – за исключением ежедневного общения с матерью и братьями, – было значительно менее ценно по сравнению с тем, что она приобрела, особенно если учесть, что теперь у неё появилась цель в жизни, которой прежде никогда не было.

Она не разделяла восторженной мечты монсеньора Кавальканти о борьбе с исламом в Африке, но была согласна с тем, что континент, на котором миллионы людей веками жили в рабстве и забвении, заслуживает того, чтобы получить – пусть даже каким бы то ни было способом – школы, больницы, фабрики и университеты, которых у него никогда не было. Будь это благодаря частной организации или божественному чуду – ей было всё равно. Но поскольку в чудеса она никогда не верила, единственная надежда оставалась в том, что дон Валерио прав, действует из добрых побуждений и однажды действительно сумеет раздобыть столько денег, сколько, по-видимому, требуется для его нелёгкого начинания.

По этой причине она так погрузилась в работу и настолько одержимо ей занималась, что отказалась от любых контактов и связей, не связанных с делом. Тем не менее, когда прошло почти полгода с момента её прибытия во Францию, однажды вечером, ужиная в одиночестве в казино, особенно оживлённом в этот пятничный вечер, к ней подошёл высокий, вежливый, симпатичный молодой человек с приятной улыбкой и вежливо спросил:

– Не будете ли вы против, если я присоединюсь к вашему столику?

– Зачем? – резко отрезала она.

– Потому что весь зал занят, многие ждут, и я надеюсь, вы не будете против, если я приглашу вас на ужин.

– Я постоянный клиент казино, и администрация обычно не берёт с меня плату за ужин, – язвительно ответила она.

– В таком случае, может, мне стоит угостить вас шампанским?

– Я не пью.

Смущённый молодой человек огляделся, заметил, что некоторые посетители наблюдают за ним с лёгкой усмешкой, и, сделав последнюю попытку, застенчиво предложил:

– Может быть, вы не против побеседовать за ужином?

– Чем вы занимаетесь?

– Я ювелир. Позвольте представиться – Ги Деларошель.

Он произнёс свою фамилию с таким видом, будто одного её упоминания достаточно, чтобы избежать любых недоразумений. Но его замешательство только усилилось, когда он услышал презрительный ответ:

– Я не люблю украшения.

– Как это – не любите? – почти в ужасе переспросил наследник одного из самых престижных ювелирных домов. – Все женщины любят украшения!

– А я – нет.

Встревоженный метрдотель, которому прекрасно была известна величина состояния молодого человека, стоявшего в замешательстве у стола клиентки, которую он обслуживал дважды в неделю вот уже несколько месяцев, подошёл и как можно вежливее спросил:

– У вас какие-то затруднения?

Ирина Догонич, кажется, поняла, что привлекла к себе внимание, и что действительно около дюжины людей ждут своей очереди поужинать. После небольшой паузы она обратилась к незнакомцу:

– Вы голодны? – и, увидев утвердительный кивок, добавила: – В таком случае я позволю вам сесть, если вы будете молчать. И рекомендую корейку из ягнёнка – она восхитительна.

Ювелир поспешно сел, пока она не передумала, попросил метрдотеля принести корейку из ягнёнка и бутылку «специального вина от заведения», и молчал до тех пор, пока спустя десять минут не воскликнул раздражённо:

– Это просто нелепо!

– Вы женаты? – спокойно спросила она. И, получив отрицательный кивок, добавила: – Я так и думала. Но постарайтесь представить, что вы женаты: супруги почти не разговаривают между собой.

– Вы это знаете по опыту?

– По логике.

Он собрался было что-то сказать, но вдруг скривился и заметно побледнел.

– Ничего себе! – пробормотал он.

– Что с вами?

– Я выпил пару бокалов пива в ожидании, а теперь из-за этой дурацкой ситуации сильно разволновался. Мне нужно в туалет.

– Так идите, – спокойно ответила она, махнув рукой в сторону выхода.

– С таким напряжением меня примут за идиота.

– А если обмочитесь – покажетесь ещё большим идиотом. Не так ли?

Бедняга пулей вылетел из зала под недоумённые взгляды окружающих. Пока он был вне зала, ему принесли заказ. Вернувшись, он опустил голову, пристыженный тем, что оказался в центре всеобщего внимания.

– Простите! – извинился он. – Не припомню такого провального вечера... – но его перебила появившаяся молодая пара.

– Добрый вечер, Ги! – с улыбкой поприветствовал мужчину, положив руку ему на плечо. – Увидел тебя и подумал, не будешь ли ты против, если мы присоединимся к вашему столу. Я бы с удовольствием угостил вас ужином.

– Это не мой стол, – смущённо ответил уже окончательно растерянный юноша. – Он принадлежит сеньорите.

Ирина Догонич взглянула на новоприбывших, покачала головой, словно не веря происходящему, коротко фыркнула, затем медленно встала и сказала:

– Это начинает напоминать каюту братьев Маркс. А раз уж я закончила ужин, можете оставить стол себе.

Она удалилась под удивлённые взгляды троих и с трудом скрываемые улыбки некоторых гостей. Но едва выйдя из ресторана, пожалела о том, что была так груба с человеком, который, по правде говоря, был вежлив и приятен.

Прогуливаясь домой, она подумала, что ей следовало бы изменить свой характер так же, как она изменила внешность и личность. Иначе она рисковала превратиться в сварливую старуху, и тогда Hungriegerwolfe запишет себе ещё одну жертву.

Сделав этот разумный и справедливый вывод, два пятничных вечера спустя, когда она снова ужинала в том же месте и, подняв взгляд, увидела юного ювелира, ожидающего своей очереди, она подозвала метрдотеля и попросила:

– Скажите мсье Деларошелю, что если он захочет, то может присоединиться ко мне.

Слегка удивлённый метрдотель переговорил с молодым человеком, затем вернулся и спросил:

– Он спрашивает, разрешите ли вы ему говорить?

– Разумеется.

Метрдотель кивнул в сторону Деларошеля и отодвинул стул напротив Ирины Догонович.

– Огромное спасибо, – первым делом произнёс он, усаживаясь. – Что заставило вас изменить мнение?

– Понимание того, что я вела себя крайне невежливо. А одно из немногих, чему я научилась в этой жизни – признавать собственные ошибки.

– Это редкость.

– Я никогда не стремилась быть обычной.

Ги Деларошель лишь попросил метрдотеля, всё ещё стоявшего рядом, принести ему то же, что и ей, и бутылку обычного вина. Когда тот удалился, он спросил:

– О чём бы вы хотели поговорить?

– О чём угодно, только не о драгоценностях и не обо мне.

– Прекрасное начало! – с юмором воскликнул он. – Если вам неинтересно моё дело, а мне нельзя знать ничего о вашем – нам будет нелегко.

– Я не работаю.—Ирина Догонович сделала короткую паузу, прежде чем добавить с юмором: —На самом деле я охотница за молодым, невинным и привлекательным миллиардером.— Не говори так даже в шутку! —воскликнул он, словно его ужалила тарантул—. Единственный раз, когда я влюблялся, моя бабушка, которая всегда, как говорят, «на стороже», выяснила, что моя невеста вовсе не богатая и честная мексиканская наследница, а закоренелая мошенница, которую финансировал тот, кто нас познакомил, а оказалось, что это был её сутенёр.— Проблемы слишком большого богатства.—Думаю, быть очень бедным – ещё более проблематично.—Верно, – призналась она. – Но не волнуйся, ведь, как в той забавной комедии, я «ни бедная, ни богатая, а совсем наоборот», и у меня меньше обаяния, чем у знаменитых «Одиннадцати тысяч девственниц» из Кёльна, которые, по легенде, не смогли даже вместе добиться пощады от свирепых гуннов.—И умерли девственницами?—Полагаю, самые непривлекательные – да.

Официант подал вино, Ги Деларошель его попробовал, одобрил и дождался, пока они останутся одни, затем после обдуманного молчания сказал:—Правда в том, что вы обладаете способностью меня раздражать, и уверяю, это довольно неудобно.—Предпочли бы, чтобы вам было всё равно? – спросила она, не дожидаясь ответа, перейдя на «ты»: – Твоя проблема в том, что у тебя есть всё, включая бабушку, которая тебя спасает от авантюристок, поэтому ты привык...Её прервал гигант, который подошёл, протягивая руки и восклицая с непременным американским акцентом:—Добрый вечер, дорогой Ги! Как рад тебя видеть! Я только что приехал с Аманды, и...—Нет! – был резкий и почти агрессивный ответ.—Нет чего? – удивился незнакомец.—Нет, чтобы садиться за стол! Это место для мисс, и даже если бы оно было моё, я бы не стал его делить.—Да о чём же, ты говоришь!? – спросил громила, явно не понимая, о чём речь. – Я хотел сказать, что Аманда влюбилась в то изумрудное кольцо, что ты только что создал, и ты знаешь, что я ей ничего не могу отказать.—Оно не продаётся!—Как это не продаётся? – вновь спросил сбитый с толку американец. – Если не продаётся, зачем тогда ты сделал что-то настолько потрясающее?—Чтобы подарить.—Кому?—Пока не знаю.

От резкого и неприятного ответа лицо громилы явно выразило полное замешательство, он пожал плечами, решив, что говорит с сумасшедшей, и ушёл. Через несколько минут Ирина Догонович заметила:—Мне кажется, ты только что потерял клиента.—И не простого, а одного из лучших – мультимиллионера из Оклахомы, который не жалеет денег, – признался ювелир. – Но случившееся подтверждает то, что я тебе говорил: ты меня выводишь из себя.—Тогда извинись и воспользуйся случаем, чтобы сходить в туалет – похоже, он тебе срочно нужен.Ги Деларошель замялся, стиснул зубы, чуть не выругался, но в конце концов встал и, удаляясь, пробормотал:—Ты совершенно невыносима.

Улыбаясь, Ирина Догонич наблюдала, как он подошёл к паре и сказал что-то явно приятное великолепной рыжей девушке с идеальной фигурой, которая обвила его руку, и тут же с энтузиазмом начала обнимать и целовать. Потом она увидела, как он исчез, словно душа в аду, направляясь в туалет, и вскоре вернулся, садясь и бормоча сквозь зубы:—Тебя пригласит казино, а эта проклятая вечеринка мне обойдётся в целое состояние и семейную ссору; мне пришлось подарить кольцо Аманде, а моя бабушка её ненавидит. Ты всегда так выводишь мужчин из себя?—Не знаю, – честно призналась она, – до сих пор ни с кем не имела дела.—Возможно, физически ты их не трогаешь, – заявил он категорично, – но душевно ведёшь себя как настоящая проститутка.—«Проститутка»! – весело повторила она. – Мне нравится это слово! Звучит элегантно. Сколько, по твоим оценкам, сейчас в зале проституток?—Больше, чем приличных женщин, без сомнения, – быстро ответил он, после чего последовало некое сожаление или укор. – Ты понимаешь, насколько нелеп разговор? Мы похожи на Владимира и Эстрагона в «В ожидании Годо».—Тебе нравится эта пьеса?—Ненавижу.—Ну, у нас уже есть что-то общее; я смотрела её на пяти языках и так и не смогла понять.—Сколько языков ты знаешь?—Когда выучу русский, который пока немного даётся с трудом, будет одиннадцать.

Девушка посмотрела прямо в глаза собеседнику и, слегка наклонив голову, с интересом спросила:—Ты хорош в постели?—Зачем такой неуместный вопрос? – возмутился он.—Я подумываю, что когда-нибудь, конечно не прямо сейчас, мне придётся перестать быть девственницей, и мама посоветовала мне обратиться к тому, кто имеет опыт, чтобы не разочароваться.

Они оба ещё долго будут вспоминать тот абсурдный вечер: Ги Деларошел – потому что чувствовал себя никчёмным парусником, потерявшим мачты посреди шторма, а Ирина Догонич – потому что впервые ощутила, что значит быть привлекательной женщиной с остроумием и здравым смыслом.

Её выдающаяся память позволяла вести разговоры на самые разные темы, но с детства она научилась делать это так, чтобы не утомлять собеседника излишними подробностями – иначе её могли принять за заносчивую умницу.

Она сразу поняла, что знает почти всё гораздо лучше, чем Ги Деларошел, но за кофе позволила ему развернуть длинный рассказ об импрессионистах, не перебивая и не указывая на мелкие ошибки, в которых он путал имена и даты.

В начале ужина она слишком его мучила, но бедный мужчина вел себя так терпеливо и вежливо, что заслуживал передышки, чтобы восстановить самооценку. Его симпатия к ней значительно выросла с тех пор, как к ней подошла потрясающая Аманда и ласково поцеловала, поблагодарив: именно, по словам Ги, она была инициатором подарка кольца. Хотя сначала Ирина удивилась лжи, её ответ с озорным подмигиванием был вполне убедителен:—Не благодарите меня, – сказала она, – я дала Ги понять, что если он подарит тебе это кольцо, твой муж почувствует себя в долгу и через пару недель купит тебе диадему с бриллиантами, которую выставил на продажу. А она стоит настоящего состояния.—Это не мой муж.—Ну, это в мою пользу...!

Гордое и эффектное создание громко рассмеялось и добавило:—Вот это умница, а не те дурочки, с которыми ты обычно водишься, дорогой. Если вы придёте на ужин во вторник, я попрошу Питера подарить тебе ту статую, что тебе так нравится, в обмен на кольцо.—Она мне уже не нравится, – быстро ответил он. – Я пришёл к выводу, что голуби всё испортили.—Но ведь она из красного дерева!—Неважно! Она испачкает ковёр опилками.

Ослепительная Аманда взмахнула шикарными волосами, будто получила удар, который не смогла принять:—Какая чушь! – воскликнула так громко, что её услышали все в зале. – С каждым днём ты всё больше спятишь. – Повернулась к Ирине с вопросом: – Пойдёшь со мной в дамскую комнату, красавица?—Нет, спасибо, я не пью.

Это было словно второй удар, и рыжая на несколько секунд застыла, словно ошеломлённая, а затем прошептала:—Правда, вы как две капли воды; будет очень весёлый ужин.

Она отошла, качая головой, словно не могла осознать услышанное, и когда наконец исчезла за дверью туалета, ювелир сказал:—Не знаю, будет ли весело, но наверняка великолепно – когда Питер устраивает свои знаменитые ужины, обычно нанимают лучших поваров мира.—Слушай, дорогой, – ответила она холодно, – сегодня я говорила больше, чем за последние два года, так что не рассчитывай на меня – я исчерпала свою квоту общения на ближайшие шесть месяцев.

Глава 5

Кампания не приносила такой прибыли, как в прошлом году, когда «серые волки» нанесли сокрушительные удары по вражескому флоту, однако даже несмотря на это, результаты следовало признать весьма удовлетворительными, почти впечатляющими. В июле 1942 года было потоплено 96 кораблей, в августе – 108, в сентябре – 98, а в октябре – 94. Таким образом, годовая сводка завершилась 1160 кораблями, выведенными из строя, что означало, что на дно морское отправилось свыше шести миллионов тонн, а человеческие потери и вовсе не поддавались точному подсчёту. После окончательного отказа от «Операции Морской лев», предусматривавшей возможное вторжение немецкой армии на Британские острова, в Берлине начали по-новому переосмысливать роль подводных лодок в глобальном контексте войны. Этому способствовал и тот факт, что личные симпатии фюрера всё больше отходили от некогда неоспоримого адмирала Редера, приближаясь к рискованным теориям и решительной личности адмирала Дёница. На верфях в Киле, Бремене, Гамбурге начали строиться более крупные и лучше оснащённые субмарины. Новые, полные энтузиазма экипажи с усердием проходили подготовку, стремясь повторить на море те поразительные подвиги, которых достигала армия на суше. Однако, когда будущее обновлённого флота U-ботов стало казаться особенно многообещающим, разразились ужасные осенние бури, которые в тот злополучный год оставили у моряков особенно тяжёлые воспоминания, продолжаясь до самого Рождества и даже дольше. Атлантика ещё никогда не знала столь яростных и нескончаемых штормов, каждый из которых был свирепее и разрушительнее предыдущего. Ураганные ветры вздымали гигантские волны, уничтожая всё на своём пути, и когда хрупкие подлодки всплывали, чтобы обновить воздух и зарядить батареи, в узкие люки вместо свежего воздуха врывались потоки воды, а дозорные на рубке были вынуждены привязываться, чтобы их не смыло за борт. Подобно сухим листьям в стремительном потоке, корабли – всех типов и водоизмещений – качались и тряслись от носа до кормы, и именно стихия заставила противников объявить временное перемирие: моряки были заняты только тем, чтобы остаться в живых, а не атаковать противника, даже если он был совсем рядом. «Спасайся кто может» победил любую идеологию, ведь перед неукротимой силой природы даже самый отважный капитан был бессилен. Один за другим «серые волки» начали покидать поле боя, захваченное бурями, и каждый капитан искал убежище где только мог, понимая, что при таком состоянии моря ни одно судно снабжения, ласково прозванное «молочной коровой», не сможет добраться до них. В самые укромные бухты Карибского моря, к побережьям Патагонии, к берегам Кабо-Верде, Канар, Анголы, Намибии и других мест, где только можно было найти укрытие, устремились немецкие субмарины, ожидая, пока утихнет буря. Штормы были столь многочисленны, сильны, обширны и повсеместны, что подлодки с меньшим водоизмещением через несколько месяцев столкнулись с острой нехваткой воды, свежих продуктов для борьбы с цингой и, главное, топлива, без которого было невозможно запустить двигатели и подзарядить жизненно важные аккумуляторы. Без дизеля на борту U-ботов не работало ничего – им приходилось всплывать и становиться на виду у всех, становясь идеальной и беззащитной мишенью днём. Как шутили тогда, «глупая чайка могла накатать прямо на фуражку капитану, стоящему на мостике». Адмирал Дёниц распорядился ускорить строительство двух огромных подлодок-танкеров, которые должны были стать «волчицами-матками», обеспечивая топливом своих разбросанных «щенков», но они оказались такими громоздкими и медлительными, что почти не приносили пользы в подобных условиях. С максимальной скоростью восемнадцать узлов на поверхности и двенадцать в подводном положении они двигались как беременные тюлени, и стоило им показаться на поверхности, их мгновенно обнаруживали всё более совершенные радары противника. Металлический кит, управляющий металлическую акулу посреди шторма, был слишком лёгкой мишенью для авиа-

ции союзников, и вскоре стало ясно, что дорогостоящие подлодки-цистерны стоит приберечь до улучшения погодных условий. В итоге капитаны, находившиеся в особенно тяжёлом положении, выбрали, как казалось, наименее болезненный выход: покинуть свои корабли, затопив их на мелководье в надежде когда-нибудь вернуться за ними. Многие годы спустя некоторые из этих субмарин всё ещё находили там, где их когда-то оставили экипажи. Из этого апокалиптического бедствия последовали лишь два результата: во-первых, стало очевидно, что в ту бурную зиму 42-го U-боты потопили значительно меньше судов, что спасло множество человеческих жизней; во-вторых – появилась тревожная новость о существовании нового типа субмарины, способной плавать месяцами без дозаправки. Однако эта информация казалась окутанной туманом: даже самые опытные командиры «серых волков» не могли точно сказать, что из этого было техническим достижением, а что – всего лишь слухами. Впервые с начала своих исследований Ирина Догонович держала в руках документ, содержащий достоверную информацию. Никогда прежде не упоминалось, что в Италии строились немецкие военные корабли, и никто не говорил о существовании подлодки, «способной долгое время обходиться без дозаправки». Оба факта явно были связаны с тем, что когда-то рассказал ей монсеньор Кавальканти о пропаже итальянских инженеров и техников и существовании таинственного *Hungriegerwolfe*, ведь вполне возможно, что столь часто упоминавшиеся «голодные волки» были вовсе не четвероногими хищниками, как считалось ранее, а теми самыми грозными «серыми волками» адмирала Дёница. Эти подлодки сумели покорить моря, избегая встречи с некогда непобедимым британским флотом, численность которого превосходила немецкий в соотношении четыре к одному, – до такой степени, что всеильный линкор «Бисмарк» длиной 250 метров и водоизмещением 50 тысяч тонн был в первом же выходе в открытое море настигнут, окружён и потоплен британскими кораблями, уступавшими ему в огневой мощи. Понимая, что на поверхности у него нет шансов, Дёниц решил завоевать глубины океана – там, где могучие пушки британцев были бесполезны и где поиск ускользающих врагов отнимал больше всего времени и сил. Невидимые и почти неуловимые подлодки действовали как смертоносные пираньи, постоянно подкарауливая беззащитные танкеры и грузовые суда, снабжавшие Англию всем необходимым для выживания и перевооружения в преддверии контрнаступления. И вот теперь, всего две строчки из старого документа, затерянного в швейцарской библиотеке, дали Ирине понять, где, возможно, скрывалась слабость этих подлодок, и, может быть, какую стратегию избрал немецкий верховный штаб, чтобы избежать их неизбежного провала. Поразмыслив, она решила сосредоточить свои исследования на деятельности «серых волков», и первое же открытие подтвердило, что этот путь может привести её к цели. Через четыре года после окончания Первой мировой войны, когда почти весь германский флот был уничтожен, а Версальский договор категорически запрещал его восстановление, Густав Крупп – патриарх могущественной династии, вооружавшей полмира – нашёл способ обойти запрет, строя подлодки для других стран на верфях Голландии. Хотя эти лодки направлялись в Японию, Испанию, Финляндию или Турцию, на деле инженеры Круппа набирались опыта и тайно готовили экипажи будущего германского флота, одновременно производя специальные секции, которые контрабандой отправлялись в немецкие порты и хранились там как детали гигантской головоломки. Таким образом, как только Гитлер пришёл к власти и отверг Версальский договор, эти части были собраны воедино, и, словно по волшебству, появились первые «серые волки» – основа той кровавой и мощной U-Bootwaffe адмирала Дёница. Если такая хитрость была использована за много лет до начала новой войны, которую многие немцы считали всего лишь продолжением прошлой, вполне можно было предположить, что с началом боевых действий подобные уловки стали обычным делом. Теперь всё указывало на то, что из необходимости снабжать океанские субмарины топливом и родился проект *Hungriegerwolfe*. Три месяца спустя, убедившись, что ей нужна дополнительная информация и что её открытия следует с кем-то обсудить, Ирина Догонович снова позвонила в Рим, попросив о встрече «с кем следует», желательно за

пределами Италии. Когда она перезвонила позже, её попросили в следующую среду, на закате, прогуляться по «месту, которое так нравилось англичанам». Она выехала за три дня, решив заодно познакомиться с Каннами и Монако, и в среду днём уже занимала комнату с балконом, выходящим прямо на Английскую набережную, протянувшуюся вдоль широкой бухты Ниццы. Погода была приятной, но с наступлением темноты ощутимо похолодало, поэтому, как только зажглись фонари, она потеплее оделась и прошла около трёхсот метров до свободной скамейки на набережной.

Большинство скамеек на большом прибрежном проспекте были двойными – спинками друг к другу, так что можно было выбрать: сесть лицом к морю или лицом к зданиям и садам, украшавшим набережную. Она выбрала место лицом к морю, которое тихо плескалось в двадцати метрах от нее, изредка оборачиваясь, чтобы наблюдать за прохожими на широком променаде.

Прошло почти полчаса, прежде чем она его увидела: он шел в плотном пальто и фетровой шляпе, но легко узнавался по росту, плотному телосложению и почти агрессивной походке.

Она дала ему пройти мимо, прежде чем язвительно поинтересоваться: – Где купаешься трусы?

Монсеньор Валерио Кавальканти резко остановился, усмехнулся и вернулся, чтобы сесть на другую сторону скамейки – так, чтобы их лица не было видно друг другу.

– Какая радость услышать тебя, дорогая! – сказал он.

– Представьте себе, что это значит для меня – после стольких лет не слышать ни одного дружеского голоса! Как моя мама и братья?

– Все хорошо, – искренне ответил он. – Они тяжело переживали твою смерть. Мама прошла через тяжелую депрессию, и я действительно начал за нее беспокоиться, но когда я признался ей, что ты жива – это было словно воскресение. Мы договорились, что по субботам она будет обедать в старой трактирии, так что тебе нужно просто позвонить около часа и спросить Тонино – он передаст трубку.

– А мальчики?

– Они приняли твою смерть и решили, что так лучше. Слишком много людей, знающих секрет, делают его уже не секретом. Особенно если учесть, что Кароло вот-вот женится, а значит – может проболтаться. Не то чтобы я хотел занять место моего дорогого донна Дженао – да упокоится он с миром и пусть никогда не возвращается, святой его памяти! – но в нынешних обстоятельствах любая осторожность уместна.

Он говорил откровенно о своем покойном друге и страшилище курии – добром кардинале Дженао Гранито, «князе Бельмонте», святом, кротком, образованном и наделённом всеми христианскими добродетелями человеке, но с такой репутацией несчастья, что все, кто к нему приближались, скрещивали пальцы за спиной. А если он брал кого-то под руку – это почти считалось смертным приговором.

Злые языки говорили, что после его благословения дома сгорали, люди разорялись или попадали под машину, а брак, заключённый в его присутствии, не продержался бы дольше трёх месяцев.

Его невинная, но дьявольская сила в стране, полной суеверий, доходила до того, что, когда на одном из трёх конклавов он высказывался в пользу кандидата на трон святого Петра, другие итальянские кардиналы предпочитали поддержать его – из страха, что если пойдут против него, часть потолка Сикстинской капеллы рухнет им на головы.

Хотя он этого не заслуживал, тысячи римлян вздохнули с облегчением в день, когда его похоронили.

– Всё настолько плохо? – обеспокоенно спросила Ирина Догонич, прекрасно знавшая репутацию страшного кардинала.

– Некоторые бывшие высокопоставленные чиновники Национального нефтяного агентства были убиты без объяснений, и никто не проявляет особого интереса к расследованию. Андреотти сосредоточивает всё больше власти, мафия – как рак, захватывает все уровни государства, а, по-моему, Папа позволяет себе слишком рискованные финансовые шаги. Если всё пойдет так и дальше, я попрошу о переводе и займусь исключительно Африкацией.

– Это значит, что мне нужно бросить свою работу?

– Ни в коем случае! – возмутился дон Валерио. – Напротив! Если, как я подозреваю – и прости меня, дорогой дон Дженао! – дела Церкви перейдут в руки тех, кто больше похож на акул из мира финансов, чем на священников, и мы в конце концов окажемся на мели, мне понадобятся новые источники финансирования. А этот проклятый Hungriegerwolfee, чтоб его черти побрали, может оказаться моей последней надеждой. – Он сделал паузу, прежде чем добавить: – Но прежде чем говорить о делах, хочу узнать о тебе. Умираю от желания обернуться и взглянуть на тебя, но удержусь. Как ты себя чувствуешь?

– Будто участвую в вечном костюмированном балу. Но живу в прелестном домике, в очаровательной обстановке, ни в чём не нуждаюсь и обожаю то, чем занимаюсь.

– Есть романтические отношения?

– Пока нет. Познакомилась с приятным человеком, но не хочу заходить далеко, чтобы не пришлось ничего объяснять. Сами понимаете – не так-то легко признаться наследнику богатой традиционной семьи, что ты, по сути, суккуб из тьмы, созданный пластическим хирургом.

– Ты не сделала ничего плохого.

– Вы лучше всех знаете, что кое-что плохое я всё же сделала. И если бы эта связь укрепилась – что сомнительно – объяснить, почему я вынуждена прятаться, менять имя и даже лицо, было бы крайне сложно.

– Это заставляет меня предположить, что ты позвала меня в Ниццу, потому что узнала что-то важное о Hungriegerwolfee, – рассудительно заметил кардинал, тем самым словно закрывая тему личной жизни собеседницы. – Или я ошибаюсь?

– Не утверждаю как истину, но пришла к выводу, что, вероятно, это был прототип подводной лодки с большой автономностью и сверхнизким потреблением, возможно, собранной на верфях Генуи.

– Собранной? – переспросил монсеньор Кавальканти, словно не понял. – Хочешь сказать, эти нацисты – сукины дети – умудрились доставить подлодку по частям из Германии, чтобы собрать её прямо у нас под носом?

Она дружелюбно хлопнула его по плечу, как бы желая его успокоить: – Не воспринимай на свой счёт, но именно это я и хотела сказать. Поэтому мне нужно, чтобы вы выяснили, могла ли в 1943 году в каком-либо из генуэзских доков вестись такая работа.

– Ты думаешь, об этом и говорил бедный Монтини, утверждая, что все участники проекта в опасности?

– Это логично, особенно если учесть, что к концу того же года два подводных корабля U-Bootwaffe носили один и тот же номер. А это абсолютно необъяснимо, если знать немецкую точность.

– Они были на войне.

– Адмирал Дёниц был слишком умен, чтобы допустить подобное – если только у него не было очень веской причины, известной лишь ему. Один U-427 патрулировал в Северной Атлантике, другой – в Южной.

– Вот это действительно странно. Зная, какие те были педанты, трудно поверить, что такая ошибка могла быть не намеренной.

– Это и есть моя теория.

– И по-твоему, один из этих кораблей был прототипом, собранным в Италии?

Она несколько раз кивнула, хотя он всё равно не видел её лица.

– Северный называли в шутку «Черепеха», а южный, от которого никогда не было сигнала, – «Заяц». Я нашла документы о сообщениях для U-427, в которых говорилось о погоде и состоянии моря, но они не имели смысла для корабля у канадских берегов – зато были крайне важны для подлодки у берегов Африки.

– Без сомнения, ты проделала тщательную работу.

– Я училась в швейцарском пансионе, работала под началом Паолы Аккарди и обнаружила, что моя настоящая страсть – быть библиотечной крысой. Ощущение, когда находишь старый документ в заднем ящике стола – наверное, самое близкое к тем оргазмам, о которых столько говорят. – Она протянула через плечо выцветшую и почти плесневелую фотографию и пояснила: – Это северный U-427 в момент капитуляции. Построен в Данциге, экипаж – 58 человек, командовал австрийский граф Карл Габриэль фон Гуденус, на тот момент – около двадцати четырёх лет. Он стал известен тем, что выдержал почти семьсот глубинных бомб – это мировой рекорд. Моя гипотеза: он должен был проверить прочность новой обшивки или конструкции корпуса. Потому его и называли «Черепеха».

– Ну и ну, у этого фон Гуденуса железные яйца – выдержать семьсот бомб! Ты выяснила что-то ещё о лодке?

– Нет. Как видно на фото, к концу войны она превратилась в помятую жестянку с измотанным, оборванным и – что главное – молчаливым экипажем. Англичане не обратили на неё внимания, решили, что это обычная подлодка, и потопили её у берегов Шотландии в декабре сорок пятого. Если в ней и был какой-то секрет – он ушёл на дно.

– А что с другой? С «За...»

– Ничего.

– Ничего? – теперь монсеньор Кавальканти едва не обернулся в порыве, но сдержался. – Как такое возможно?

– Либо её потопили, либо уничтожили, и это могли сделать как свои, так и враги. По моему мнению, именно она должна была утолить голод серых волков – того самого пресловутого Hungriererwolfe. Ведь не забывай: речь идёт о морских волках. Теперь нужно выяснить, как они надеялись утолить этот голод.

– Ты думаешь, сможешь это выяснить?

– Не знаю. Но точно не откажусь от попытки.

Глава 6

Ирина Догонич сидела на веранде, погружённая в изучение толстого отчёта и окружённая книгами, которые едва не падали с переполненного стола, когда перед домом остановился роскошный белый Rolls-Royce. Чёрный шофёр поспешно открыл дверцу, но вопреки её ожиданиям, из машины вышла не Ги Деларошель, а рыжеволосая Аманда Хэмилтон. Она была одета в лёгкое голубое платье, с огромной шляпой в тон и изящным ожерельем из рубинов, подчёркивающим её великолепную грудь, так что выглядела как будто сошла с обложки последнего номера Vogue.

– Доброе утро, дорогая! – воскликнула она, открывая белую калитку, окружавшую сад, даже не удосужившись спросить разрешения. Она семенила по траве короткими шажками и начала подниматься по узкой лестнице, будто шествовала по подиуму. – Я подумала, что ты не откажешься от аперитива, и позволила себе принести пару лакомств.

Чёрный шофёр и китайский официант, оба в перчатках и в униформе, следовали за ней, неся подносы, бутылки, бокалы, ведёрки со льдом и разные угощения, в том числе полкило лучшей иранской икры.

Аманда села с такой естественностью, будто была у себя дома, нетерпеливым жестом велела слугам открыть шампанское и удалиться, а затем, очаровательно улыбаясь, добавила:

– На самом деле я пришла поиграть в сваху, сплетницу, доносчицу, ведьму-сову и ехидную змею – но всё исключительно из добрых побуждений. Я очень благодарна тебе за изумрудное ожерелье, и действительно, через пару дней Питер подарил мне ту диадему, о которой ты говорила. Правда, скажу без обид – на голове она смотрится как коровья лепёшка, поэтому я решила носить её на бедре, как подвязку. – Она коротко рассмеялась, довольная собственной находчивостью. – Смотрится очень сексуально, и Питера это так возбуждает, что на днях он едва не выколол себе глаз алмазом. Вон до сих пор шрам на брови. Паштета, хамона или икры?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.